

П. К. ГАЛЛЕР

<Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX столетия>

<Фрагменты>

<...>

Каждый колонист и колонистка шли в церковь, имея в руках или под мышкой книгу — сборник гимнов, пением которых сопровождается богослужение и у всякой женщины непременно в руках белый носовой платок, который, однако, употреблялся не для сморкания, а только для вида. Все сморкались в отвернутую полу полушубка или юбки.

<...> Особым почетом у колонистов лютеран пользуются праздники Рождество, Новый год, Пасха и Троица.

Празднование Рождества начинается уже с 5 час. веч. в сочельник. Многие в этот день не едят ничего до звезды или, правильнее, до темноты; другие едят только рыбное, но так как рыбы в степных реченках мало, то этот обычай постепенно погас. С 5 час. вечера в сочельник начинается богослужение и все отправляются в церковь, дома остается только одна взрослая, которая prepares праздничный стол. К 6 час. вечера все приходят домой и каждый из членов семьи получает подарок; детям даются прежде всего медовые пряники, изготовленные дома, орехи и несколько конфет. Конфеты самого плохого качества, впрочем существовали ли в то время другие, я не знаю.

<...> Взрослые получали такие же тарелки с сладостями, но, кроме того, кому попадалась еще трубка, или кiset, или перочинный ножик, материя на платье, головной платок и т. д.

Раздача подарков сопровождалась особой церемонией. Дети и взрослые собирались вокруг стола, на котором были выставлены подарки. Дети должны были спеть особый гимн, установленный для Рождества.

По окончании гимна отворялась дверь и являлась одетая во все белое добрая фея*, которая заявляла, что, проходя мимо, услышала пение добрых детей и поэтому пришла их приласкать, а дети должны по очереди были сказать заученный ad hoc стишок. Затем фея исчезала в ту же дверь и на смену ей вваливался, гремя цепями и с рычанием льва, одетый в вывороченную на изнанку шубу, злой дух, который требовал предьявления ему для наказания или пожирания лентяев, зарывающих букварь под амбаром (в мой огород был брошен камень) или спящих слишком долго, или отлынивающих от посещения воскресного богослужения, не слушающих матери и т. п. Все со страхом и плачем кидались к юбке матери, которая, как наседка, прячет своих цыплят от ястреба, прятала нас в складках своей юбки успокаивала злого духа, пока тот не удалялся, гремя своей цепью. Только после этого открывался наш рай и полная тарелка упомянутых сластей поступала в бесконтрольное заведывание каждого из нас.

Кроме сластей полагались еще игрушки: барашек, лошадка на колесах, палочка с конской головкой и уздой; девочкам куклы, одетые в разноцветные платья, или только головки для кукол, или неодетая кукла и т. п.

Елки появились только в конце шестидесятых годов и привозились из Саратова; в степи нет хвойного леса.

В этот вечер нас не могли рано уложить. Через полчаса или час после раздачи подарков на столе появлялся ужин из праздничных блюд: жареный гусь, утка, поросенок с начинкой и т. п.

На первый день праздника дети обыкновенно посещают своих крестных и получают где конфетку, где пряник. Для взрослых с утра богослужение; после окончания проповеди, из церкви бежит хозяйка, чтобы приготовить все к обеду, который готовился в ее отсутствии; после звона одним колоколом, продолжающегося все время, пока пастор читает «отче наш», хозяйка спешит приготовить все для подачи на стол; десять минут спустя начинается перезвон в оба колокола; это значит, что богослужение кончилось и все расходятся по домам. Тут уже весь обед ставится на стол и приходящие тут же могут сесть за стол.

<...> На другой день (Рождества) после супа, заправленного по большей части мукой или содержащего мелкие, величиной

* У поволжских немцев название «феи» в этих случаях не употребляется, а говорят Christkindchen (рождественский ребенок); это всегда — девушка, одетая во все белое, с белым покрывалом.

с кедровый орех, кусочки вареного теста, подается жареный гусь с картофелем и начинкой из каши, состоящей из крупно растертого калача с изюмом, иногда с черносливом. Иногда подается также зажаренная утка или поросенок. Третьего блюда не бывает.

Рождество празднуется три дня. Святки не бывает, ряженых не бывает, и разве только девушки и парни до ночи толкуются на улице.

Новый год особым почетом не пользуется. Это гражданский праздник. Тем не менее один день празднуется. Из соседней русской деревни приходят ребяташки с мешками и под предводительством старшего поют какой-то стих и во все время пенья осыпают присутствующих в комнате смесью из пшеницы, гороха, ячменя. Их награждают сладостями и копеечками, и они уходят в другую избу. Это, к слову сказать, единственный день в году, когда наши православные соседи, живущие за рекой в 100 саженях от нашей деревни, нас посещают.

Масленица у лютеранского населения не празднуется, разве только более состоятельные в этот день пьют кофе с упомянутым выше печеньем, хворостом. День считается будничным.

Пасха, наоборот, считается самым торжественным праздником. Еще с самого начала страстной недели начинается праздничное настроение; четверг (*Gründonnerstag*) и пятница (*Charfreitag*) особенно чтутся; в эти дни причащается все село, если оно не успело причаститься уже с конфирмантами в вербное воскресенье. В субботу начинают красить яйца, печь кухни, хворост, сдобные калачи и готовить гусей, уток, кур к празднику. Яйца окрашиваются в желтый цвет при помощи луковой шелухи или особой травки, пробивающейся уже очень рано на более возвышенных и сухих местах, и молодежь на страстной повторно отправляется в поле в поисках за этой травой; были, конечно, и красные яйца, но чем они окрашиваются, не знаю.

Субботу все проводят в работе и сутолоке; на вечернее богослужение собираются далеко не все, да оно и не торжественно.

Для встречи Пасхи убираются и приводятся в порядок не только комнаты и двор, но и улица. Деревенские улицы не мощены, поэтому после весенней грязи вся улица представляется настолько кочковатой, что даже переходить через нее трудно. Поэтому в субботу на страстной улицы боронуют, т. е. путем прохождения всей улицы повторно бороной, на которой в качестве груза сидят ребята, кочки срывают и заполняют образовавшиеся глубокие

колеи. После боронования запрягают в одну лошадь вал длиною около сажени и толщиной около полуаршина, тяжестью которого кочки вдавливаются в колеи и полотно улицы принимает гладкий вид. После этого подметают также двор, а переходы из избы в избу посыпают белым песком. Этот песок вообще в большом употреблении у колонистов: им посыпают полы в комнате после мытья пола, часть улицы перед калиткой и т. д.

Дети, ложась спать, ставят под кровать или в определенных излюбленных ими местах свои шапки, в которые зайчик ночью должен принести яйца; многие стремятся не проспать восход солнца, потому что в это время в восходящем солнце можно видеть Христов барашек. У лютеран Христос всегда изображается с пастушьим посохом и барашком у ног.

Наутро оказывается, что зайчик действительно принес каждому около десятка крашенных яиц, одно или два сахарных с барашком, (шоколадных тогда еще не было), а иногда также несколько игрушек. Пряников и конфект у зайчиков, по-видимому, нет в распоряжении, так как таковых в умеренном количестве раздает только мать в первый день праздника.

Все три дня празднуются одинаково. Утром церковь, после обеда прогулки в поле за тюльпанами. Этих цветов — желтых, красных, синих, белых и даже разноцветных было в то время еще очень много, и все возвращались обыкновенно с громадными букетами. Парни в этих прогулках не участвовали, а только девушки и дети: парни же катали яйца, т. е. по ровному указанному месту катали яйца, пытаясь попасть в выставленные ранее или в не стукнувшееся об другое яйцо. Или же они играли в мяч или в городки. Эти две игры единственные, насколько мне помнится, которые объединяли более значительное количество молодых людей. Ночью молодежь почти до восхода солнца проводила на улице с пением песен, по большей части далеко не цензурных, на это родители смотрели сквозь пальцы, ибо *Jugend hat keine Tugend* (у юншества добродетелей нет). Так как многие только неделю тому назад были конфирмованы и стали *ledig* (холостыми), когда уже грехи падают не на голову родителей, а на них самих, то эти, так сказать, новобранцы были всегда самыми безудержными, тем более что они только неделю тому назад завели себе трубку, получили от кого-нибудь в подарок новый, сшитый из разноцветных лоскутов кисет, имели еще в кармане несколько медяков, они чувствовали себя царями.

Обед на Пасху уже иной. На первое полагается куриный суп с лапшой. Лапша только тогда хороша, когда тесто тонко выкатано и разрезано потом на очень тонкие нити. Этим искусством гордились немногие хозяйки. Тесто готовилось с вечера, раскатывалось утром, и тонкие листы теста для сушки раскладываются на подушках на кровати; резка начинается еще до окончания проповеди и продолжается, так как требует много внимания, долго, около часа; нарезанная лапша кладется в суп только после звона к «отче наш».

Вторым блюдом бывает гусь с начинкой. Индюшки у колонистов в то время были в редкости, но все-таки бывали. Их много не разводили, так как они очень прожорливы и легко гибнут, а перья от них цены не имеют.

Некоторую цену имеет еще длинное дыхательное горло индюшек и гусей. Один конец такого горла вставляется в другой, в просвет вводится несколько горошин и в таком виде засушивается и служит основой для наматывания шерстяных ниток в клубок; перекатывающиеся в высушенном дыхательном горле горошины, производят шум, почему-то очень приятный для слуха обладательницы, такого клубка.

Лапша подается не только в виде супа, непременно куриного, но подается также в виде молочного супа, т. е. варится с молоком. Или подается прямо вареная лапша без всякой жидкости, но тогда она поливается топленным маслом, в котором на сковороде поджаривались маленькие кусочки калача, не больше ореха величиною. Такой лапшевник наш детям чрезвычайно нравился, а в особенности хрустящие на зубах кусочки белого хлеба.

Пасха празднуется только три дня; в конце третьего дня жизнь принимает уже свой будничный облик и крестьяне уезжают в поле, если Пасха не слишком ранняя, чтобы в среду с раннего утра приступить или продолжать тяжелую крестьянскую работу — пашню и посев.

